

Купина Н.А. Поэзия многострадального Донбасса: верность русскому слову // Политическая лингвистика. 2023. № 6(102). С. 20–27.

Лукашова С.С. Малороссия и Малороссы в Российской империи в XVIII в.: стратегии интеграции // Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР. Очерки. - М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 53–98.

Лурье С.В. Об особом классе культурных феноменов. Православная культурология путем советских психологов-марксистов // Тетради по консерватизму. 2021. № 2. С. 173–207.

Лурье С.В. Что такое культурная картина мира и как формируется культурная традиция // Тетради по консерватизму. 2021. № 2. С. 13–62.

Матвеева Ю.В. Поэзия Донбасса как документ и свидетельство // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29. № 2. С. 5–20.

Митина Е.А. Тема Священной войны в поэме Анны Ревякиной «Шахтерская дочь» // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2023. № 2. С. 86–95.

ИСТОЧНИКИ

Вектор Донбасса: альманах / сост.: Г.Л. Бобров, А.А. Чернов, С.А. Сеничкина, А.Н. Сизых, С.И. Гольдфарб; ответственный редактор С.И. Гольдфарб. Иркутск: Принт Лайн, 2023. 296 с.

Воля Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР. Луганск: ПРЕСС-ЭКСПРЕСС, 2019. 352 с.

Время Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР. Луганск, 2016. 496 с.

Выбор Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР. Луганск: Большой Донбасс, 2017. 672 с.

© 2024 г. Т.А. Голикова, И.А. Таирова, Москва, Россия

КОД «РУССКОГО МИРА»: АССОЦИАТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ПОКОЛЕНИЯ

DOI 10.25709/3034-2554.2024.31.52.005

Elibrary.ru EDN

Многочисленные исследования сущности, специфики, состава фено-

мена «Русский мир» показывают, что единого критерия определения нет и

быть не может, поскольку «Русский мир» представляет собой поливалентный социокультурный и геополитический конструкт, чьи дискурсивные границы формировались несколько столетий посредством взаимодействия исторической памяти и идеологических установок разных поколений.

Будучи объектом междисциплинарного анализа, гиперконцепт демонстрирует триединство компонентов – православия, русской идентичности и русской языковой общности. Вместе с тем, моделирование выявляет чрезвычайный семиотический объем каждого элемента. Русский язык, например, функционирует одновременно как инструмент межэтнического и межнационального общения и как маркер этнокультурной границы, исключаящий иноязычные сообщества из условного «мира», что, безусловно, не однажды провоцировало и провоцирует сейчас конфликты различного генезиса.

Специфика гиперконцепта «Русский мир» определяется и его исторической пластичностью: от первоначального узкорегionalного обозначения восточнославянского ареала через позднимперскую трактовку «собирания земель» – к современной доктрине цивилизационной

исключительности¹. При этом ядро концепта – идея «русскости» – перманентно переопределяется, балансируя между этнокультурным и идейно-политическим пониманием. Решающим фактором методологического кризиса исследований становится несовпадение аспектов, подходов, методик исследования: для гуманитарных наук «Русский мир» остается полиморфной системой когнитивных смыслов, репрезентированных всей тысячелетней культурной традицией (фольклор, литература, религиозные практики), тогда как политический дискурс сводит его к инструменту (возможно, механизму) геостратегического поведения.

Особый интерес вызывает гетерогенность временных пластов концепта. Динамичность обуславливается развитием архаического концепта «Москва – третий Рим» (с ядром мессианской идеи), далее советский интернационализм создает основу для синтеза исключительности, исключительной роли при подчеркнутом акценте на изоляционизме². Современная идеологизация концепта через

¹ Иванов В.Н. Русский мир: концепция и реальность: доклад на совместном заседании ученых советов ИСПИ РАН, РГСУ, МИСКИ, 23 мая 2007 г. М.: ИСПИ РАН, 2007. 26 с.

² *Смыслы и ценности Русского мира*: Сб. статей и материалов круглых столов, организованных фондом «Русский мир». М.: Русский Мир, 2010. 112 с.

призму «защиты традиционных ценностей»³ приводит к семантической диффузии: категории «духовности» и «нравственности» используются для консолидации внутреннего аксиологического дискурса, но исключают диалог с альтернативными системами ценностей.

Итак, анализ концептуальной динамики выявляет ключевой парадокс: декларируемая цель сохранения культурной аутентичности, к сожалению, достигается через заимствование западных моделей идентичности, что в настоящее время демонстрирует не только лингвокультурная практика, приобретая стереотипный, автоматически воспроизводимый характер, но и строгий лингвистический анализ⁴. Методологические проблемы усугубляется также отсутствием четких границ между академической рефлексией и политическим прагматизмом⁵. Попытки представить Русский мир как «мягкую» альтернативу глобализации сталкиваются с нарастающей жесткостью его институцио-

нальных форм – от языковой политики до военно-патриотического воспитания.

Перспективы исследования видятся в переходе от бинарных оппозиций и монистических трактовок к пониманию Русского мира как феномена, способного адаптироваться к новым целям, событиям через реинтерпретацию собственных мифологем. Критический анализ, на наш взгляд, также должен учесть стратегии сохранения классических традиций русскости, православия и в цифровой среде, формирующей новые инструменты идентичности.

Реальное существование Русского мира как социокультурного континуума предполагает воспроизводство традиционных практик в новейших условиях и эффективную передачу ценностно-смысловых культурологических констант⁶. Уровень взаимопонимания и эмоциональной стабильности должны адаптироваться к требованиям прагматической эффективности без утраты духовной глубины. Единство коммуникативно-дискурсивного пространства Русского мира обеспечивается синергетической координацией и иерархией смыслов. Так, необходимый уровень взаимопонимания, возможный толь-

³ Теплых Н.В. Ценностные доминанты «русского мира» и перспективы будущего России // Социальные нормы и практики. 2022. №1. С. 65–72.

⁴ Голикова, Т.А. Лингвокультурологический словарь заимствований современного русского языка (2000–2024 гг.). В 2-х ч. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Директ-Медиа, 2024.

⁵ Кочеров С. Н. Русский мир: проблема определения // Вестник ННГУ. 2014. №5–1. С. 163–167.

⁶ Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 991 с.

ко через общий лингвоисторический код, становится основой социального взаимодействия – от межэтнического диалога до технологической модернизации. Эмоциональная стабильность же неизменно выступает посредником между рисками глобализации и сохранением способности к психологической адаптации.

Концептуальная проекция в будущее требует, с одной стороны, отказа от моноцентричной трактовки аксиологических смыслов, причем такая практика прекрасно представлена всем классическим периодом развития русской полифонической культуры, с другой стороны, пересмотра оппозиции «свой–чужой», где «свой» хороший, а «чужой» плохой.

Неслучайно поэтому в ядро русского языкового сознания⁷ входят доминантные концепты, выступающие одновременно архетипами коллективного бессознательного и социальными адаптерами к историческим изменениям: *жизнь, радость, любовь, счастье, дом, хорошо, человек, семья, сила человека, деньги, люди, дети, свет, друг, мама, работа, свобода, спокойствие, душа, мечта, друзья, покой, будущее, красота, мир, добро, мать, надежда, дружба*. Так, семанти-

ческая доминанта *жизни и человека* связывает антропоцентризм с экзистенциальной драмой, свойственной российской ментальности: стремление к *счастью, радости, любви* сталкивается с необходимостью выживания посредством *силы, трудолюбия*, что порождает уникальный синтез идеализма и фатализма. *Дом и семья* выступают не просто пространственными маркерами, но крепостью духа, где *дети, мать* являются сакральными гарантами связи поколений, противостоящей внешнему хаосу⁸.

Таким образом, концепция «Русского мира» представляет собой сложнейшее глобальное явление, охватывающее ментальные⁹, культурные, политические и экономические аспекты. Она направлена в первую очередь на укрепление связи между русскоязычными сообществами, создание культурных и образовательных программ за рубежом, а также на поддержку российских интересов в международных отношениях.

Культурная идентичность «Русского мира» подразумевает единство

⁷ Голикова, Т.А. Этнопсихолингвистическое исследование языкового сознания (На материале алтайско-русского ассоциативного эксперимента). М.: ИЯ РАН, 2005. 322 с.

⁸ Таирова И. А. Пророки и пророчества в художественном мире И.А. Бунина // Лингвистика и перевод. – Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2022. – С. 94–99.

⁹ Алексеева А.А. Лексические и фразеологические средства репрезентации образа России: на материале отечественной и зарубежной прессы 2008–2011 гг. и ассоциативного эксперимента: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2012. 258 с.

русскоязычных народов, традиционную культуру разных народов, вплетенных в материю языка, религиозные традиции и общую историческую память. Это понятие выходит за рамки территориальных границ и охватывает русскоязычное население по всему миру, включая диаспоры и этнокультурные группы, исторически связанные с русской цивилизацией.

Политический контекст концепции задается сложным комплексом ценностных установок, этнического и национального самосознания, выбором их интерпретации и трансляции в мировом политическом дискурсе. Идеологические противоречия концепции вызваны многочисленными дискуссиями как внутри России, так и за ее пределами. Сторонники позиционируют как цивилизационный проект, способствующий целостности и единству русскоязычных сообществ. Противники же интерпретируют как амбициозную неоимпериалистическую доктрину. Эта дихотомия обуславливает мультиполярные отношения во внутреннем и международном дискурсах.

Идея «Русского мира» также затрагивает вопросы социальной ответственности и экономического взаимодействия. Принятые обязательства государства демонстрируют заботу о благосостоянии и правах русскоязычных меньшинств. Проблемы глобализации и адаптации требуют

переосмысления этнонациональной идентичности в транснациональном контексте. Эта динамика подчеркивает противоречия между сохранением русскоязычной культуры и ассимиляцией в мире.

Таким образом, «Русский мир» представляет собой концепцию, призванную стать механизмом сохранения и передачи этнолингвокультурной идентичности и политически значимым инструментом. Эволюция концепции по-прежнему имеет решающее значение для понимания того, как в России переплетаются культурное наследие и современное государственное управление.

В основу нашего психолингвистического исследования гиперконцепта «Русский мир» положено понятие «базовая ценность». Если личность оценивает Русский мир как базовую ценность для себя и своих близких, тогда конкретный компонентный состав гиперконцепта актуализирует гиперпространство, ключевыми ориентирами которого служат: *история и современность, экономика и культура, родной русский язык и неродной русский язык, другой родной язык, православие и все мировые религии, политика и идеология, русская территория и другая территория, малая родина и цивилизационный мир в целом.*

Настоящий ассоциативный эксперимент, целью которого служит

ИССЛЕДОВАНИЯ

выявление сущности, специфики, состава гиперконцепта «Русский мир», проводился в 2024 г. в Российском новом университете (г. Москва) со студентами 1–4 курсов. Возраст участников 18–22 г. На первом этапе эксперимента словом-стимулом выступило сочетание «Русский мир». Всего реакций – 356. Единичных реакций 205. Корпус ассоциативных реакций представлен ассоциатами: *Природа 10, береза 8, водка 7, балалайка 5, медведь 5, Москва 5, Пушкин 5, медведи 4, народ 4, родина 4, деревня 3, доброта 3, душа 3, Есенин 3, зима 3, Кремль 3, Путин 3, сила 3, борщ 2, война 2, воровство 2, грязь 2, дом 2, искренность 2, коррупция 2, красивая природа 2, красивые девушки 2, Красная Площадь 2, красота 2, лапти 2, Лермонтов 2, леса 2, литература 2, люди 2, мир 2, многонациональность 2, одиночество 2, патриотизм 2, поле 2, поля 2, православие 2, простор 2, родное 2, Россия 2, серость 2, тепло 2, Толстой 2, тоска 2, традиции 2, флаг 2, фольклор 2, холодец 2*. (Единичные реакции будут представлены ниже в ходе обсуждения основных результатов).

На основе приведенных ассоциаций можно сделать предварительные выводы о восприятии природных, культурных и социальных аспектов Русского мира.

1. Природа и символы. Экологическая и зоологическая семиотика.

Ассоциации с *природой* (10), ее элементами *березой* (8) и *медведем* (5) и др. подчеркивают важность природных символов России. Их присутствие в фольклоре и изобразительном искусстве укрепляет, например, статус «березы» как национальной метафоры русских пейзажей. В то же время в качестве зоосемической геополитической метафоры выступает «медведь», символизирующий национальную устойчивость и скрытую силу в международном дискурсе, что формирует образ страны.

2. Культура и литература. Упоминания *Пушкина* (5), *Есенина* (3) и *Лермонтова* (2) и др. формируют культурную память. Их труды служат интертекстуальными якорями, увековечивающими темы национального самосознания и экзистенциальных поисков в рамках парадигмы коллективной идентичности.

3. Исторический и современный контекст. Геополитическая семантика. Топографические ассоциации с *Москвой* (5), архитектурные – с *Кремлем* (3) и политические – с *Путиным* (3) подчеркивают историческую централизованность столицы как политической оси Русского мира, иллюстрируют его слияние с государственной властью в современных социально-политических дискурсах.

4. Национальная и гражданская идентичность. Этнокультурный плюрализм. Ассоциаты *народ* (4), *родина*

(4), патриотизм (2) и многонациональность (2) выявляют сложнейшие аспекты российской идентичности. Это и противоречия между этнонациональной исключительностью и гражданско-территориальной инклюзивностью. Это и диалектика в определении «русскости», колеблющаяся между этнолингвистическим эссенциализмом и конституционным многонациональным федерализмом.

5. Системные социально-политические проблемы. Упоминания *коррупции* (2), *воровства* (2) и *грязи* (2) указывают на критическое восприятие студентами институциональной дисфункции. Эти ассоциации коррелируют с дефицитом государственного управления и стремлением к получению личного роста.

6. Этнические традиции и обычаи. Присутствие ассоциатов о *традициях* (2), *борще* (2) и *лаптях* (2) и др. свидетельствует о силе аграрной семейной идентичности. Гастрономический маркер «борщ» также выполняет функцию национального символа, встраивая коллективную память в повседневную практику.

7. Эмоциональные архетипы и ценности. Такие ассоциации, как *доброта* (3), *тоска* (2) и *душа* (3) и др., отражают антропологическую кон-

цепцию русской души как культурно специфического эмоционального комплекса. Удивительное и непонятное иностранцам сочетание теплоты общения с экзистенциальной тоской влияет на восприятие русского «национального характера» в литературных, фольклорных и шире культурных образах России.

Итак, ассоциативная матрица (рис. 1) в целом описывает Россию как цивилизационный палимпсест: симбиоз романтизированного природного изобилия, духовной, культурной глубины и неразрешенных социально-политических противоречий.

В то время как экологические и культурные символы создают идеализированный образ «Русского мира», критика государственного управления и идентичности разного уровня выявляет скрытую напряженность между самосознанием и системными реалиями. Эта пограничность на всех уровнях ментальности, духовности, гуманности всегда осознавалась и осознается глубоко самим «Русским миром» и практически не интерпретируема со стороны мирового сообщества.

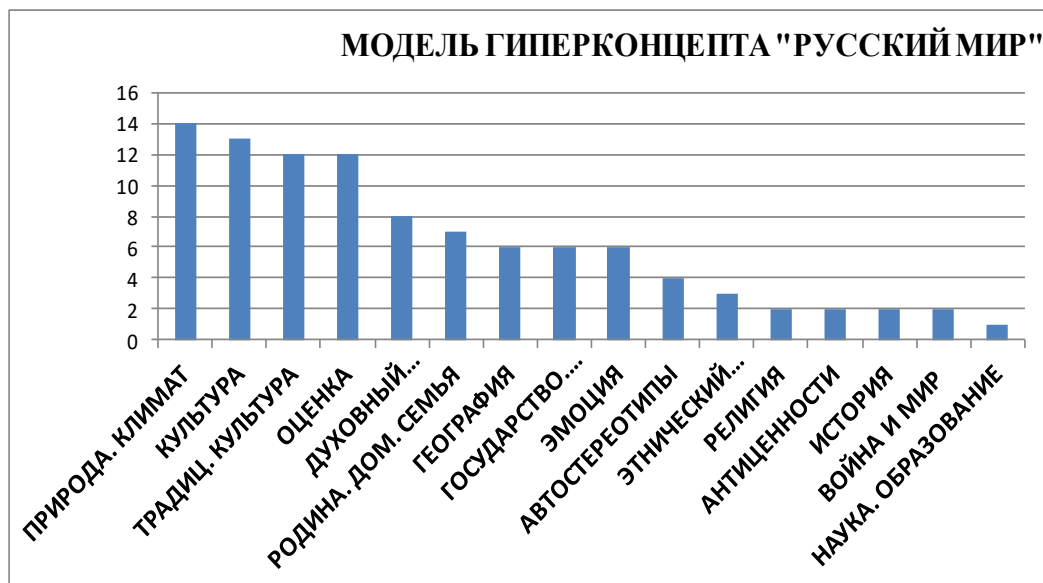

Рис. 1. Модель гиперконцепта «Русский мир»
(по данным ассоциативного эксперимента)

Рассмотрим подробнее ассоциативные реакции студентов с учетом всех единичных случаев. Группа «**ПРИРОДА. КЛИМАТ**» представлена следующими ассоциативными реакциями: *амурский тигр, береза 7, березы, борщевик, воздух, Волга, выхухоль, животные, зеленый, зима 3, калина, кони, красивая природа, лес, леса 2, манул, мороз, нефть, поле 2, поля 2, природа 10, природный газ, реки, рожь, ромашка, сосновые леса, тепло 2, холод, холода, чистый воздух.*

Ядро природно-символического кода. Доминантой выступает обобщенное понятие «природа» (10), формирующее архетипический образ России как «страны-

ландшафта». Его конкретизируют флора – *березы* – фитосимвол, закрепленный в литературе (*Есенин*) и визуальной культуре как маркер «русскости»; *рожь, ромашка, калина* – агросимволы, связывающие природу с этнокультурными практиками (обряды, народная медицина); фауна: *амурский тигр, выхухоль, манул* – редкие виды как символы экологической уникальности.

Геоклиматическими константами выступают реки и леса (*Волга, леса, сосновые леса*) – метафоры «просторов», подчеркивающие мифологему широты и необъятности. Климатическая амбивалентность: *зима, холод, мороз* – стереотип «суровой страны», актуализирующий нарративы о выносливости народа; *тепло* – маргинальный контраст, отражающий

ностальгию по «мягкости» в условиях доминирующего дискурса о климатическом фатализме.

Ресурсный запас репрезентирован такими реакциями, как *нефть*, *природный газ* – природные богатства – символ экономической мощи, ресурсного суверенитета. С другой стороны, видим налет «сырьевого проклятия», связывающего экстенсивную эксплуатацию природы с технологической отсталостью. Экологическая тема заявлена ассоциатами *борщевик* – как метафора разрушения традиционного ландшафта из-за антропогенного вмешательства; *чистый воздух*, обусловленный огромными территориями, но идеализированный конструкт, когда речь идет о загрязнении в промышленных регионах.

Художественная эстетика – *поля, леса, реки, животные, зеленый, кони, красивая природа* – формируются элементами пасторального идеала, восходящего к художественной традиции (Левитан, Шишкин). Итак, природно-климатические ассоциации формируют экологическую нишу «Русского мира», где ландшафт становится текстом национальной идентичности: *березы, реки и зима* кодируют «русскость» в глобальном сознании. Ресурсы (*нефть, газ*) и климат (*холод*) интерпретируют мифологию жертвенности и неисчерпаемости.

Группа «КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ» представлена следующими ассоциативными реакциями: «*Агата Кристи*», «*Большая Перемена*», «*Любэ*», «*Наутилус Помпилиус*», «*Ногу Свело*», «*Я российский новый пират...*», *архитектура, балет, богатый русский язык, великоление архитектуры, Газманов, гжель, Есенин 3, золотой век русской литературы, кириллица, концерт в Кремле, Красная площадь 2, латиница, Лермонтов 2, литература 2, литература 18 века, литературная классика, литературный язык, Маяковский, много глупых сериалов, небоскребы, Новый год, панельки, пословицы, Пушкин 5, пятиэтажки, Серебряный век, спорт, Толстой 2, фольклор 2, Шаман, Шаман «я русский», яйца Фаберже*. Ядро культурологического пласта «Русского мира» составляют литературные каноны и лингвонациональные маркеры, однако структура ассоциаций выявляет конфликт между идеализацией прошлого и критикой текущих трендов.

Литература представлена как культурный код: классические авторы (*Пушкин, Лермонтов, Толстой, Есенин, Маяковский*) и периоды (*Золотой век, Серебряный век*) функционируют как смысловой фундамент, подчеркивая сакральный статус литературы. *Литературный язык и богатый русский язык* акцентируют роль

ИССЛЕДОВАНИЯ

языка не только как коммуникативного инструмента, но и хранителя идентичности. *Кириллица*, упомянутая в противопоставлении *латинице*, символизирует борьбу за культурный суверенитет.

Историческое наследие: *Красная площадь* 2, *гжель*, *яйца Фаберже*, *балет* – маркеры «эталонной» эстетики, ассоциируемой с имперским и советским прошлым. Ассоциаты современной реальности – *панельки*, *пятиэтажки*, *небоскребы* – репрезентируют утилитарную урбанистику, противопоставляемую *великолепию архитектуры* прошлого. Это отражает конфликт между ностальгией по монументальным формам и критикой безликой современной застройки.

Музыка и массовая культура также вскрывает большое количество противоречий: тема разрыва поколений актуализируется ассоциатами – «*Любэ*», «*Агата Кристи*», «*Наутилус Помпилиус*», *Газманов* – группы и певцы 80–90-х гг. остаются символами «настоящего искусства» для старших поколений; современные явления: песня «*Я российский новый пират...*», *Шаман* («*я русский*»), *концерт в Кремле* – демонстрируют попытки создания новых патриотических нарративов, часто воспринимаемых как китчевые; критика «*глупых сериалов*» указывает на скепсис в отношении качества массовой культуры; фольклор, ритуалы – *пословицы*, *фольклор*,

Новый год – сохраняют роль социального «клея», объединяющего поколения через общие практики. Однако их эксплуатация в официальном дискурсе (*спорт*, *концерт в Кремле*) вызывает ассоциации с инструментализацией традиций.

Итак, культурологический компонент «Русского мира» репрезентирует амбивалентные по силе смыслы: силу демонстрируют универсальность классических текстов, устойчивость языка и ритуалов, что дает ощущение непрерывности истории, идеализируются как эталон духовности, глубины и эстетики, однако выявляется и неспособность генерировать актуальные культурные формы, конкурентоспособные в глобальном контексте в виде попыток к адаптации, ведущие к размыванию канонов и рождению гибридных форм (патриотический поп-шаманизм, архитектурный эклектизм и т.п.). К сожалению, культура «Русского мира» остается мемориальным проектом, где прошлое доминирует над будущим. Ее устойчивость зависит от способности трансформировать наследие в инновации, избегая крайностей архаизации и вестернизации.

Группа «**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА**» представлена следующими ассоциативными реакциями: *Баба Яга*, *балалайка* 6, *народное творчество*, *печь*, *ремесло*, *самовар*, *традиции* 2, *традиционность*, *сте-*

реотипы, кокошник, валенки, лапти 2, сарафан, ушанка, шапка ушанка, водка 7, борщ 2, винегрет, красная икра, оливье, пельмени, селедка, селедка под шубой, тульский пряник, хлеб черный, холодец 2.

Традиционная культура в рамках «Русского мира» формируется как система стереотипных символов, редуцирующих сложность этнокультурного наследия до набора узнаваемых маркеров. Эти ассоциации подчеркивают двойственность культурной самоидентификации – между ностальгической идеализацией прошлого и критикой его упрощенной репрезентации.

Музыкальные и мифологические символы – *балалайка* и *Баба Яга* становятся архетипами «русскости», эксплуатируемыми в массовой культуре и туристических брендах. Их гипертрофированное использование отражает кризис интерпретации – замену глубины традиций поверхностными клише. *Печь, самовар, ремесло* – атрибуты крестьянского быта, связанные с идеей «духовной простоты», но лишённые контекста исторических тягот (бедность, рутинный труд). Национальная одежда: *кокошник, лапти, ушанка* – элементы, перешедшие из повседневности в ритуально-праздничную сферу. Их актуализация в современности ограничена различными стилизациями (фольклорные ансамбли, свадебные фотосес-

сии), что свидетельствует о разрыве между традицией и практикой.

Кулинарный код балансирует между гостеприимством и автопародией (кстати, очень приветствуемой русским человеком). Доминанты: *водка* занимает центральное положение, выступая как символ застольного ритуала и одновременно как метафора социальных проблем (алкоголизм, «водочная идентичность»); *борщ, пельмени, холодец* – маркеры «домашней кухни», сохраняющие актуальность, но редуцируемые до уровня гастрономических сувениров. Праздничная еда (*оливье, селедка под шубой*) – пример советского культурного синтеза, где традиция смешалась с идеологией дефицита.

Традиционная культура «Русского мира» функционирует как символ внешней презентации: набор стереотипов (*«балалайка–водка–матрешка»*) упрощает диалог с глобальным сообществом и как символ внутренней консолидации: апелляция к «лаптям» и «печи» создает иллюзию непрерывности истории, маскируя разрыв между дореволюционным, советским и современным этапами.

Группа «ОЦЕНКА» представлена амбивалентными (положительная оценка – 22 реакции, отрицательная – 23) ассоциативными реакциями: *единственное здоровое в сегодняшнем мире, здравомыслие русского мира и России, красивая природа, кра-*

ИССЛЕДОВАНИЯ

сивые девушки 2, красивые здания, красота 2, красота человеческой натуры мощь, огромный, огромная территория, свобода, сила 3, сильный, уважение, ценности, чистота поступков, это хорошо, бедное население, бедность, бессмысленность, бред, в каком сумасшедшем мире мы живем?, грязь 2, ложь, мрак, неоднозначность, неопределенность, несправедливость, ограниченность, отсутствие свободы слова, отсутствие улыбки на лицах людей, пузатые мужики, пыль, сексисты, серость 2, тлен, ужасный климат, усталость.

На позитивном полюсе актуализируется эстетика мощи – *красота (природа, девушки, здания) и мощь* создают образ последнего оплота в «безумном» мире. Акцент на *огромной территории* подчеркивает мессианский смысл – Россия как цивилизация-убежище. *Сила, свобода, чистота поступков* – морально-волевые категории, противопоставляемые «западному разложению». *Здравомыслие и ценности* – концепты, наполняемые ситуативно (от антиглобализма до консервативных норм), маскируют когнитивный диссонанс, когда декларация уважения выступает на фоне игнорирования проблем несправедливости.

Негативный полюс актуализирует трансформацию мифологем: социально-экономический коллапс: *бедное население, пыль, серость –*

признаки архаизации пространства; пузатые мужики – символ патриархально-бюрократической системы, проросшей в современность; тлен и усталость описывают факт, когда общество существует в режиме выживания. Политико-климатический фатализм – *отсутствие свободы слова vs декларируемая свобода* – ядро концептуального конфликта «Русского мира». *Ужасный климат* – метафора двойного давления: природного и социального (*мрак, грязь*).

Итак, оценочный компонент выявляет кризисный парадоксальный образ: *красота человеческой натуры* соседствует с *сексистами* – гендерные стереотипы сохраняются как элемент традиционализма в противовес глобальным трендам; *огромный* (территория) контрастирует с *ограниченностью* (ментальной, политической), подчеркивая разрыв между природными и человеческими ресурсами.

Группа «**ДУХОВНЫЙ КОМПОНЕНТ**» представлена следующими ассоциативными реакциями: *взаимопонимание, гостеприимность, гостеприимство, доброта 3, душа 3, единоподушие, жизнь, кумовство, менталитет, мышление, сердце, единство, независимость, память, патриотизм 2, подъем патриотизма, помощь, противоречие, сплоченность, трудолюбие, честность, широкая душа.*

Группа **«РОДИНА. ДОМ. СЕМЬЯ»**: дачи, дом 2, защита, изба, избы, огород, отечество, отчизна, родина 4, родное 2, родной край, родной язык, Россия 2, россияне, русский дух, русский язык, Русь, семейная атмосфера, семьи без отца, семья.

Духовно-нравственный фундамент «Русского мира» строится на идеях гостеприимства (*гостеприимность, гостеприимство, доброта*), коллективной солидарности (*сплоченность, единство, взаимопонимание*) и *патриотизма*. Однако контекст ассоциаций выявляет противоречия: позитивные архетипы *широкая душа, доброта, трудолюбие* – элементы морального романтизма, восходящего к образам «простого человека» в литературе; *патриотизм, подъем патриотизма* связаны с политизацией этики, где любовь к родине трактуется как лояльность к институтам власти.

Ментальные характеристики демонстрируют разрыв между идеалом и реальностью: *душа* и *сердце* – метафизические конструкции, подменяющие анализ социальных практик мифом о загадочной русской психологии. *Мышление* и *менталитет* упомянуты абстрактно, что отражает дискурсивную пустоту: нет четкого понимания, чем именно определяется специфика русского мышления для современного молодого человека.

Семья и дом – символы стабильности: *дом, родина, семья, семейная атмосфера* – формируют образ «крепости», защищающей от внешних угроз (*защита, отечество*). *Изба, огород* – знаки автономности, отсылающие к мифу о самодостаточности традиционного быта. Ассоциаты этой группы актуализируют кризис институтов: *семьи без отца* подрывают консервативный идеал «полной семьи», фиксируют противоречие между риторикой семейных ценностей и ростом разводов. *Дачи* – двойственный символ: место семейного единения и «бегства» от урбанистической реальности

Язык и дух – *русский язык, родной язык* – ключевые маркеры, противопоставляемые глобальному англоязычию; *русский дух* – фольклорная мифологема, ставшая стереотипной в патриотической риторике. Духовный компонент «Русского мира» характеризуется амбивалентностью. Сильные стороны: консолидирующая роль коллективных ценностей (*взаимопонимание, сплоченность*); сакрализация семьи и дома; слабые стороны: подмена этических норм идеологическими штампами (*патриотизм/конформизм*); игнорирование структурных проблем (*кумовство, кризис семьи*) в пользу мифологизации «широкой души».

Концепция балансирует между ностальгией по имперской/советской

ИССЛЕДОВАНИЯ

гомогенности и неспособностью интегрировать современные тренды индивидуализма. Ее устойчивость зависит от перевода абстрактных ценностей (*честность, трудолюбие*) в систему институциональных практик, преодолевающих разрыв между декларациями и реальностью.

Духовная основа «Русского мира» составляется из идеализации коллективных ценностей и признания внутренних дисфункций: *гостеприимство, доброта, сплоченность* формируют образ открытого и щедрого общества; *патриотизм (подъем патриотизма)* трансформируется из личного чувства в инструмент политической мобилизации. *Душа, широкая душа, сердце* – мифологизированные понятия, заменяющие рациональный анализ эмоциональными стереотипами.

Группа «ГЕОГРАФИЯ» представлена следующими ассоциативными реакциями: *Байкал, Владивосток, родной город, деревня 3, Китай-город, Москва 5, простор 2, просторы, путь, пуховик, раздолье, расстояние, Санкт-Петербург, тайга, широта, широта просторов*. География «Русского мира» актуализирует смыслы «простор» vs «централизация»: *Москва* как символ гиперцентрализации власти и ресурсов контрастирует с образами *просторов, Байкала, тайги* – метафорами бескрайнего пространства. *Деревня* и *Санкт-*

Петербург образуют дихотомию «провинция–столица», *путь* и *расстояние* – маркеры ментальной усталости во многих аспектах.

Группа «ГОСУДАРСТВО. ПОЛИТИКА»: *администрация президента, война, государственные митинги, двуглавый орел, закон, Кремль 3, политическая обстановка, пропаганда, протесты, Путин 3, режим, санкции, тотальный контроль, триколор, флаг 2*. Ассоциаты *Кремль, Путин, двуглавый орел* формирует образ цитадели; *санкции, война, тотальный контроль* – внешние и внутренние угрозы; *протесты* и *режим* фиксируют ключевое противоречие между декларируемой стабильностью и нарастающим сопротивлением.

Группа «ЭМОЦИЯ»: *безысходность, гордость, грустный взгляд, еще потерпим, жестокость, искренность 2, любовь, много злых людей, недоверчивость, нет улыбок, одиночество 2, печаль, русский мир вызывает у меня негативные эмоции и тошноту!, спокойствие, суровость, терпение, тоска 2*. Эмоциональные компоненты: *гордость* противостоит *безысходности, тошноте* от «Русского мира»; *еще потерпим, терпение* – фатализм как ментальная адаптация к хроническим кризисам; *отсутствие улыбок, одиночество* – признаки эмо-

циональной изоляции в коллективистском дискурсе.

Группа **«АВТОСТЕРЕОТИПЫ»**: *дорогие машины, медведи 4, медведь 5, красный цвет, пакет с пакетами, шашлыки на природе*. Автостереотипы представлены смыслами «экзотика» и «самоирония»: *медведь, красный цвет* – попытки трансформации клише («русский медведь») в бренд; *пакет с пакетами* – гротескный символ «запасливости» как способа выживания в условиях дефицита; *шашлыки на природе* – ностальгия по простым радостям, маскирующая социальную апатию.

Группа **«ЭТНИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ»**: *люди 2, многонациональность 2, народ 4, нация, прекрасная земля русская, разные национальности*.

Группа **«РЕЛИГИОЗНЫЙ КОМПОНЕНТ»**: *верования, купола церквей, масленица, пасха, православие 2, свобода вероисповедания*. Этнический и религиозный компоненты выявляют смысл «многонациональность» vs «русский дух» – конфликт между имперским прошлым («третий Рим») и этническим национализмом. *Православие, купола церквей, масленица, пасха* – визуальный символ «духовного щита», но *свобода вероисповедания* присутствует номинально.

Группа **«АНТИЦЕННОСТИ»**: *алкоголизм, алкоголь, воровство 2,*

коррупция 2, матерные слова. *Коррупция, воровство* – нормализованные практики, объясняемые «русским авось»; *алкоголизм* – системная проблема, связанная с «терпением» как формой бегства от реальности.

Группа **«ИСТОРИЯ»**: *богатая история, история России, создание Руси, третий Рим, цари*. Группа **«ВОЙНА И МИР»**: *война, куча войн, мир 2, танки*. Война и история: *танки, куча войн* – милитаризация идентичности; *третий Рим, цари* – ресакрализация имперского величия для компенсации текущих неудач (*санкции, изоляция*). Отметим, что эти группы представлены ассоциативно очень бедно.

Группа **«НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ»**: *наука, образование, учителя, школа* в эксперименте стала самой бедной, выявляет смысл «кризис престижа»: *наука, образование* упомянуты формально, без конкретики – признак утраты статуса сверхдержавы знаний; *учителя и школа* – символы стагнации системы, ориентированной на воспроизводство кадров, а не инновации.

Итак, как показал анализ ассоциативного корпуса данных, концепция «Русский мир» представлена тремя основными блоками противоречий: во-первых, пространственная гигантомания территории vs боязнь политического контроля; во-вторых, гордость за историю vs стыд за совре-

ИССЛЕДОВАНИЯ

менность; в-третьих, риторика многонациональности vs этнический национализм.

Второй этап психолингвистического эксперимента, целью которого стало выявление эмоционально-оценочной специфики и структуры гиперконцепта «Русский мир», проводился параллельно с первым. Именно такой эксперимент наиболее строго репрезентирует, что Русский мир – это Россия, русское зарубежье, все те, кто ментально осознает свою вовлеченность в Русский мир. И в этом смысле принадлежность к нему – это самоощущение. Русский мир – это люди, которые ощущают себя к нему принадлежащими. Студентам было предложено назвать положительные и отрицательные свойства (характеристики) Русского мира. Мы заранее осознавали, что Русский мир и носители русскости, русской идентичности не обязательно демонстрируют лояльность к России.

Не удивительно поэтому, что одни и те же характеристики или свойства были оценены как положительно, так и отрицательно. Приводим пример наиболее крупной тематической группы «МЕНТАЛИТЕТ. ХАРАКТЕР ЛЮДЕЙ» (39% положительная оценка); *амбиции, атмосфера 2, братство, взаимопомощь 2, готовность помочь, дух, душа, доброта 6, долг, есть хорошие добрые люди, искренность 2, люди 6, менталитет 5,*

многонациональность 3, народ, находчивость, общее национальное мышление, общность, отзывчивость 2, помощь, понимание, приветливость, привязанность, самобытность, самопожертвование, свобода, сохранение традиций, сплоченность, терпимость, товарищество, традиции 2, уважение к традиции, честность, щедрость 2; (61% отрицательная): агрессия 2, вранье, глупость, гопота, грубость, грусть, жажда денег, закрытость, клевета, консервативность 2, ксенофобия, лень, ложь, люди, менталитет 3, много идиотов, многонациональность, мрачность, наглость, наплевательство, негатив, негативные установки, недоверчивость, нелюбовь к чужакам, неоднозначность, неопределенность, нерешительность, нетерпимость 2, общение, отношения людей к природе и атмосфере, пассивность, пессимистичный взгляд на мир, покорность, пренебрежение, привлечение к себе внимания за границей, раздражительность, самокритичность, склонность мусорить, снобизм, спешка, стереотипы, страдания, терпимость, тоска, упрямство, фамильярность, чужой.

Ассоциации, связанные с менталитетом и характером людей в контексте «Русского мира», показывают сложную и противоречивую картину восприятия русской идентичности.

Значительное количество отрицательных характеристик (*агрессия, вранье, глупость, лень, недоверчивость, ксенофобия, жажда денег и пессимистичный взгляд на мир*) указывают на глубоко укоренившиеся стереотипы и предвзятость как внутри страны, так и за пределами. Эти признаки создают негативный ментальный образ, подрывающий доверие к русским людям как к сообществу. *Чувство отчужденности и закрытости* также подчеркивает сложные отношения с представителями других культур и народов, что может затруднять интеграцию и межкультурное взаимодействие.

Противоречивые ассоциации, *терпимость, общение и недоверчивость*, показывают неоднозначность в отношениях между людьми. Это создает напряженность между желанием быть открытым и необходимостью соблюдать предосторожность в отношении других. *Пассивность и покорность* отличают людей в моменты кризиса, в то время как *упрямство и негативные установки* создают трудности в преодолении этого состояния. Негативные ассоциации в значительной степени формируются на основе стереотипов и предвзятости. Это подчеркивает необходимость переосмысления образа русской идентичности.

Несмотря на преобладание негативных характеристик, присут-

ствуют и позитивные черты, самокритичность и желание отображать свою культуру за границей, что свидетельствует о стремлении улучшать собственный образ. Признаки *многонациональности и отношения к природе* отражают готовность к кооперации, а также необходимость заботы об окружающей среде. Менталитет русского народа демонстрирует сложную динамику, где сосуществуют как негативные, так и позитивные черты. Это обусловлено внутренними социальными конфликтами, социальной напряженностью и возможностью изменений путем культурных, образовательных и социальных работ. Долгосрочные положительные изменения в русском менталитете, если и возможны, то главным образом должны быть сосредоточены в аспекте готовности пересматривать свои взгляды на другие лингвокультуры, но оценить сейчас будущие модификации мы не можем.

Наиболее сложной для студентов оказалось группа «**ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**» (10% положительная оценка): *банковская система, госуслуги, доступность правительства, инфраструктура, медицина 2, программы соцподдержки граждан, развитие инфраструктуры, свобода слова, совместное развитие, транспорт, экономика и (90% отрицательная): бедность, безразличие к маленьким деревням, власть 2, гегемония, грязь,*

депутаты, дома муравейники, дороги 2, законы, застой, империализм, инфраструктура, коррупция 4, ложь собственному народу, маленькие пенсии, медицина, метро, много либералов, недостаточно направлений в университетах, неравенство, несоответствие политическому режиму, несправедливое законодательство, несправедливое распределение средств, низкие заработные платы, нищета деревень, однополярность мира, отсутствие действенной помощи инвалидам и сиротам, отсутствие свободных СМИ, пенсии, политика 3, правительство, предательство людей государством, пропаганда 2, псевдопатриотизм, работа, радикальность, санкции, свобода слова, серость, система, социальное неравенство, социальные проблемы, упадок, устарелость, экономика.

Гиперконцепт «Русского мира» в данном контексте выступает как метафора «государственности» – синтез державной амбициозности и прагматичного выживания в условиях структурных дисбалансов. Однако низкая частотность положительных ассоциаций с рыночными институтами и гражданскими свободами подчеркивает доминирование этатистских ценностей над либеральными в текущем общественном дискурсе.

Доля отрицательных ассоциаций демонстрирует кризис доверия к социально-политическим институтам

с преобладанием критических оценок. *Коррупция и несправедливое распределение средств* трактуются как системная патология, подрывающая легитимность власти. *Ложь собственному народу и предательство людей государством* отражают утрату социального контракта, усиленную перцепцией элитного отчуждения. *Законы и псевдопатриотизм* ассоциируются с инструментализацией права для легитимации авторитарных практик.

Бедность (*низкие зарплаты, пенсии, нищета деревень*) контрастирует с риторикой «державной мощи», обнажая разрыв между макроэкономическими показателями и качеством жизни. *Социальное неравенство и безразличие к малым поселениям* маркируют территориальную и классовую поляризацию, усугубляемую концентрацией ресурсов в мегаполисах (*дома-муравейники, метро*).

Гегемония и однополярность мира коррелируют с имперскими запросами, доминирующими во внешнеполитическом дискурсе. *Отсутствие свободных СМИ и пропаганда* подчеркивают кризис публичной сферы, где монополизация информации конфликтует с декларируемой *суверенной демократией*. *Несоответствие политическому режиму и радикальность* указывают на рост маргинальных протестных настроений.

Ассоциативное поле раскрывает глубокий парадокс: с одной стороны, внешнеполитический посыл (*империализм, санкции*) конструирует образ России как глобального игрока, сопротивляющегося западной гегемонии, с другой же – внутренние дисфункции (*коррупция, неравенство, застой*) девальвируют идею «Русского мира» как проекта социальной справедливости и технологического прорыва. Этот диссонанс формирует «двойное сознание»: население мифологизирует «величие» государства, но отрицает его способность решать базовые проблемы (*грязь, упадок, устарелость*).

Таким образом, категория «Экономика. Политика» в контексте «Русского мира» становится метафорой незавершенного перехода – от советского наследия к неопределенной модели, где державные амбиции сталкиваются с ограничениями социально-политических и экономических институтов.

В ходе второго этапа психолингвистического эксперимента были выявлены и другие тематические группы. Поскольку они в целом повторяют и подтверждают результаты первого этапа эксперимента, приводим только результаты.

«КУЛЬТУРА. ИСТОРИЯ»: *вера в предков, достопримечательности, еда, искусство, история, культура 8, кухня, литература, музыка, русский*

язык и литература, фольклор, язык 3, трудный язык.

«ГЕОГРАФИЯ. ПРИРОДА. КЛИМАТ»: *береза, времена года, климат 2, лето, погода, природа 17, просторы, ярко выраженные природные ландшафты, холодно.*

«ОБРАЗОВАНИЕ»: *доступное высшее образование, образование 3, система образования.*

«АНТИЦЕННОСТИ»: *алкоголизм, водка, пьянство.*

«ВОЙНА» *армия, военные замашки, воинственность, война.*

Итак, второй этап эксперимента выявил расколотую идентичность «Русского мира»: сакральный полюс (*величие, красота, мощь*) конструируется посредством обращения к природе, истории, языку – вневременным категориям, устойчивым к критике. Профанный полюс (*алкоголизм, милитаризм*) редуцируется до «временных издержек», не затрагивающих «духовное ядро» нации. Проведенное психолингвистическое исследование гиперконцепта «Русский мир» выявило сложную и противоречивую картину восприятия этого феномена. Анализ ассоциативных реакций студентов позволил выявить как положительные, так и отрицательные аспекты, представленные в восприятии носителей «русскости».

Природно-символический код (ассоциации с природой и климатом) формирует архетипический образ

ИССЛЕДОВАНИЯ

России как «страны-ландшафта». Вместе с тем, экологические проблемы и ресурсная зависимость вызывают неоднозначные оценки. Культурно-исторический пласт (ассоциации с классической литературой, искусством, архитектурой) демонстрирует сильнейшую привязанность к историческому наследию. Однако критика современной культуры свидетельствует о конфликте между идеализацией прошлого и восприятием настоящего.

Социально-политический контекст (ассоциации с политическими фигурами и институтами) свидетельствует о гордости за державную мощь, и одновременно о критике коррупции, несправедливости и социального неравенства. Противоречия между официальным дискурсом и реальностью жизни выявлены в ассоциациях с войной, санкциями и протестами. Этнический и религиозный компоненты (ассоциации с многонациональностью и православием) вскрывают проблематику этнорелигиозной идентичности. Более того, противоречия между декларируемой многонациональностью и этническим национализмом, а также критика религиозных практик, выявляют внутренние конфликты.

Эмоциональный компонент (ассоциации с добротой, тоской, одиночеством и другими «русскими» эмоциями) подчеркивает сложность и

противоречивость эмоционального восприятия гиперконцепта «Русский мир». Гордость за национальные ценности сочетается с чувством безысходности и критикой социальных проблем. Анализ ассоциаций экономической и политической тематики выявляет глубокий кризис доверия к социально-политическим институтам. Диссонанс между декларируемой мощью и реальными проблемами выражается в ассоциациях с несправедливостью, застоем и нищетой. «Ментальные» ассоциации демонстрируют сложную и противоречивую картину восприятия национального характера. Позитивные характеристики соседствуют с негативными.

Итак, психолингвистическое моделирование показало, что «Русский мир» представляет собой сложный и многогранный феномен, который воспринимается и оценивается представителями различных поколений эмоционально противоречиво в зависимости от исторического, культурного и социального контекста. Все эти противоречивые аспекты создают сложную картину, которая требует дальнейшего анализа. В свете современных проблем и потребностей существует настоятельная необходимость переосмыслить концепцию «Русского мира».

ЛИТЕРАТУРА

Аглеева З.Р. Лингвокультурема «дача»: история формирования в русской

языковой картине мира // Культура и цивилизация. 2016. Т. 6. № 6А. С. 261–273.

Алексеева А.А. Лексические и фразеологические средства репрезентации образа России: на материале отечественной и зарубежной прессы 2008–2011 гг. и ассоциативного эксперимента: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2012. 258 с.

Голикова Т.А. Этнопсихолингвистическое исследование языкового сознания (На материале алтайско-русского ассоциативного эксперимента). – М.: ИЯ РАН, 2005. 322 с.

Голикова Т.А. Лингвокультурологический словарь заимствований современного русского языка (2000–2024 гг.). В 2 ч. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Директ-Медиа, 2024.

Иванов В.Н. Русский мир: концепция и реальность: доклад на совместном заседании ученых советов ИСПИ РАН, РГСУ, МИСКИ, 23 мая 2007 г. М.: ИСПИ РАН, 2007. 26 с.

Кочеров С.Н. Русский мир: проблема определения // Вестник ННГУ. 2014. №5–1. С. 163–167.

Смыслы и ценности Русского мира: Сборник статей и материалов круглых столов, организованных фондом «Русский мир». М.: Русский Мир, 2010. 112 с.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 991 с.

Таирова И.А. Пророки и пророчества в художественном мире И.А. Бунина // Лингвистика и перевод. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2022. С. 94–99.

Теплых Н.В. Ценностные доминанты «русского мира» и перспективы будущего России // Социальные нормы и практики. 2022. №1. С. 65–72.

©2024, Д. М. Абрамов, Москва, Россия

DOI 10.25709/3034-2554.2024.42.27.006

Elibrary.ru EDN

«ХОЖДЕНИЕ ИГУМЕНА ДАНИИЛА В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ», КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК НАЧАЛА XII ВЕКА

Мировоззренческой основой «Хождение игумена Даниила в Святую Землю» явилось православное

христианское богословие. «Хождение» как церковно-историческое и этноконфессиональное произведение